

УДК 316

Миграция молодежи как функция межпоколенческой динамики*

Беляев В.А.

Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, политологии и менеджмента Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ

Калимуллина Э.Р.

Старший преподаватель кафедры экономики и менеджмента Лениногорского филиала Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ

В статье рассматриваются две группы подходов, неопозитивистские и гуманитаристские, которые лишь в комплексе позволяют проанализировать молодежную миграцию как функцию межпоколенческой динамики наиболее всесторонне: если неопозитивисты рассматривают миграцию молодежи как часть процесса институционализации в семье, в социуме, превращения индивидуальных решений в типовые, то гуманитаристы (особенно постмодернисты) выявляют индивидуальные мотивы решения молодых людей мигрировать, являющиеся их ответом на вызовы старшего поколения. Объединение обоих дискурсов в комплексном подходе дает возможность проанализировать мотивацию, эволюцию и перспективы миграции молодежи из малых городов в мегаполисы как следствие межпоколенческого конфликта и как результат протеста индивида.

Ключевые слова: молодежная миграция, старшее и молодое поколения, неопозитивистский подход, гуманитаристский подход, симулякр, ментальные карты.

Миграция молодежи в России превратилась в неотъемлемый атрибут социального развития в силу ряда политико-правовых (отмена института прописки), социоэкономических (депривация населения моногородов и пр.) и культурных (общая грамотность населения и преобладание людей, закончивших среднюю школу и сдавших одинаковый ЕГЭ среди молодого поколения, единство требований рынка и государства к стандартам образования) сдвигов. Масштабы миграции молодежи в 2000-2018 гг. в России можно сравнить только с периодами индустриализации и урбанизации конца 1920-1930-х гг., послевоенного восстановления и модернизации 1960-1970-х гг. Диверсификация векторов и видов миграции, масштаб, темпы и социальные функции миграций вызывают необходимость

исследований их ближайших и перспективных последствий, влияющих на характер социальных процессов как для городов-реципиентов, так и для сел, городов-доноров. Привычные социодемографические и экономические подходы, применяемые зарубежными и отечественными исследователями, дают качественные результаты, но они ограничены спецификой дискурса данных научных дисциплин. В связи с этим актуальна попытка адаптации различных теоретических подходов и инструментальных возможностей именно социологической науки,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 17-06-00474 «Динамика реальных и условных поколений в информационном, полиэтноконфессиональном обществе (на материале Республики Татарстан)».

способствующих выделению не статистических показателей и экономических оснований миграции молодежи, а их социальных факторов, прежде всего связанных со взаимоотношением поколений в семье, в социуме, по месту учебы или работы. Постараемся систематизировать такие подходы и курсы к анализу феномена миграции молодежи.

Для начала адаптируем к предмету исследования общеметодологические подходы к изучению социума и личности, позволяющие преломить их выводы к исследованию факторов и вектора молодежной миграции как функции межпоколенческой динамики. Такие подходы можно сгруппировать на относящиеся к позитивистской (неопозитивистской) и к неопозитивистской (гуманитаристской) парадигмам.

Одним из самых популярных является *позитивистский (неопозитивистский)* подход, к которому можно отнести множество исследований в сфере молодежной миграции. Позитивизм трактует миграционное поведение молодого человека как функцию выбора, который делает индивид на основе прежде всего материальных (географических, экономических, экологических и других) вызовов, факторов и оснований. Одной из основных позитивистских теорий является концепция «человека экономического». Её авторы убеждены в том, что индивиды в своем рациональном решении о миграции руководствуются прежде всего личной заинтересованностью в улучшении своего благосостояния. Например, М. Тодаро считал главной причиной миграции стремление человека к улучшению экономического положения, в частности, именно поэтому не нашедшие работу сельчане вынуждены мигрировать в города. Одновременно факторами миграции он называл политическую нестабильность, стремление изменить социокультурную среду и др. [1].

Следующая концепция функционализма и его вариант – *структурный функционализм* – выявляет социальные факторы, стимулирующие миграцию [2]. Миграции воздействуют на длительные социальные трансформации, меняют структуру общества и тем самым реализуют устойчивые социальные функции или вызывают аномии и девиации [3]. Согласно подходу Р. Мертона, социальные функции миграций могут быть также разделены как явные и латентные [4].

В рамках неопозитивистской парадигмы ряд исследователей строит формальные модели миграционных процессов. Так, У.Дж. Рейли в 1931 г. разработал *модель гравитации*, согласно которой крупные города притягивают больше людей, способных преодолевать значительное расстояние до крупных торговых центров, а сила «притяжения» городов прямо пропорциональна численности их населения или торговому обороту [5]. Эта модель вызвала к жизни *концепцию «наименьших усилий»* Дж.К. Ципфа [6]. Исходя из неё, люди всегда склоняются к тому, что требует от них наименьших

усилий. Этим он объяснял миграционные процессы между городами, то есть объем миграционного потока при перемещении из одного города в другой зависит от расстояния между этими городами. Рост расстояния между городами требует от мигранта больших усилий и средств.

В рамках неопозитивистского *бихевиоризма* необходимо выделить пятитомный труд У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке». Авторы анализируют поведение индивидов, испытывающих на себе влияние среды, формирующей новые образцы поведения: «Поведение есть адаптация к среде, и нервная система... есть развивающаяся адаптация» [7]. Анализируя личные документы мигрантов, авторы выстроили типологию их социальных характеров, исходя из динамики их мотиваций, и механизма их адаптации к среде. По Томасу и Знанецкому, адаптация имеет поверхностный характер, не деформирующий сущность личности. С этой позиции мы можем рассмотреть миграцию молодежи в мегаполисы, вызванную неудовлетворенностью прежним социальным положением, включая межпоколенческие отношения в семье и в обществе, необходимость процесса адаптации к новой среде, новому темпу жизни, что не всегда заканчивается успешно.

К неопозитивистской парадигме относится и разработанная Р. Парком *теория экологии человека* [8]. В её рамках Парк сформулировал концепцию четырёх уровней организации сообщества, особо выделяя способность последней к передвижению [9]. Экологический порядок он трактовал в качестве пространственного структурирования перемещения людей. Исходя из концепции Парка, мы можем трактовать смену места жительства как функцию перемены профессии, места работы и даже местоположения учреждения и фирмы, в частности, закрытие их филиалов.

Применима к теме нашего исследования и *концепция Push/Pull-factors* (притягивающих/выталкивающих факторов) Э. Ли. Особый интерес представляет деление факторов миграции на каждой территории на удерживающие, притягивающие и выталкивающие, детерминирующие вектор миграции. Каждый из факторов по-разному действует на социум: одни из них влияют на большинство, а другие лишь на отдельного человека. Среди выталкивающих факторов Э. Ли выделял такие объективные предпосылки, как стихийные бедствия, социоэкономические кризисы, катаклизмы (конфликты, войны); а среди притягивающих – привлекательные условия жизни [10]. Существенным представляется выделение промежуточных факторов, способных действовать разнонаправленно, в одних отношениях стимулируя, в других – тормозя миграцию. К ним относятся расходы на транспорт, нормативное регулирование миграции, информация о пункте прибытия и др.

Потенциальный мигрант решает переехать тогда, когда притягивающие факторы превалируют над отталкивающими, минимизируют трудности, возникающие из-за последних. Ли выделяет более склонные к миграции категории населения из разных поколений: из молодого – тех, кто впервые ищет работу или спутника жизни; среди среднего – разводящихся; а среди старшего поколения – выходящих на пенсию. При этом две последние категории (среднего и старшего возраста) способны совершать обратную миграцию. Вместе с тем ряд авторов [11; 12] считает концепцию Ли ограниченной в силу абсолютизации экономических факторов и игнорирования иррациональных и индивидуальных.

Неопозитивистский характер в целом носит и *общая теория народонаселения* француза А. Сови [13] и россиян Д.И. Валентея и А.Я. Кваши [14]. Эта теория привлекает внимание тем, что, определяя миграцию как чисто демографический процесс, структурирующий воспроизводство населения, его поколенческий состав, в то же время выделяет географические, экономические и политические факторы миграции и их динамику.

Несмотря на указанные достоинства неопозитивистской парадигмы, необходимо подчеркнуть определенную ограниченность данного подхода. Сведение населения страны, региона, малого и большого города к системе, даже с учетом идей Р. Мертона о дисфункциях, не позволяет выявить многие существенные черты молодежной миграции, прежде всего – всё разнообразие мотивов молодых людей и спрогнозировать ее масштабы и последствия.

Феномен миграции целесообразно также рассмотреть с позиции *гуманитаризма*, т.е. неопозитивистской парадигмы. Данный подход делает упор «на специфике объекта и метода социологии – науки, призванной помочь человеку преодолеть отчуждение от социальных структур» [15, с. 83]. *Феноменологическая* (в частности А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман) и *этнометодологическая* (Г. Гарфинкель) концепции общества «позволяют отрабатывать различные модели социального взаимодействия в ситуациях контактов “место – мигранты”, эффективно используя при этом инструментальность качественных методов» [16]. Специфика данных концепций заключается в принципиальном изучении не института миграции, а индивидуального выбора, в особом внимании к индивидуальным агентам миграции, а не к социальным структурам (за исключением малых групп, в частности, межпоколенческие отношения в семье), стимулирующим перемещения, и к субъективным (прежде всего социопсихологическим) факторам миграции и вследствие этого в выборе особых методов исследования.

В русле гуманитаризма *сетевой подход к миграции* показывает, что регулярное взаимодействие происходит между поколениями в семье, друзьями,

соседями, то есть между уезжающими, с одной стороны, остающимися и возвращающимися, с другой. Поэтому миграция способна парадоксально укреплять социальные связи, простирающиеся на большие географические расстояния. Как выразились Д. Гурак и Ф. Касес, территориальные границы утратили важность для мигрантов: общины мигрантов увеличиваются по мере расширения сетей социальных связей [17]. Сети миграций вместе с тем в состоянии способствовать распространению информации и идей, усиливающих недовольство местных жителей, ибо показывают целесообразность, возможность и желательность переезда.

Следствием данной сетевой теории можно назвать *концепцию социального капитала* как набора нематериальных ресурсов в сообществах и семьях, формирующих стартовые возможности молодежи. Исходя из анализа воззрений Г. Лоури [18] и П. Бурдые [19], можно сказать, что люди, связанные с мигрантами, имеют капитал, увеличивающий вероятность превращения их самих в мигрантов, что обосновал Д. Массей. Согласно ему [20], миграционные сети как набор межличностных связей, соединяющих немигрантов, мигрантов и эмигрантов отношениями родства, дружбы и единого социального происхождения, наращивают шансы на миграцию, снижая её цену и риск, и отдачу от перемещения, т.е. социальный капитал.

Данную теорию можно также применить и к проблеме нашего исследования. Описанные сетевые связи могут влиять и на решение молодежи малых городов мигрировать в мегаполис. С другой стороны, если сетевые связи будут крепче в малом городе, это может стать поводом для мигранта вернуться в свой малый город.

К гуманитаристской парадигме относится и *концепция вмешивающихся обстоятельств* С. Стоффера, согласно которой «количество людей, перемещающихся на определенное расстояние, прямо пропорционально открывающемуся количеству перспектив и обратно пропорционально количеству вмешивающихся обстоятельств». К таким обстоятельствам Стоффер относил факторы торможения миграции (транспортные расходы, местные законы, негативизм коренного населения пункта прибытия) [21]. Концепцию Стоффера имеет смысл применить к проблеме нашего исследования миграции молодежи из малых городов в мегаполисы. Каждый молодой человек малого города мобилен. В процессе принятия решения о переезде большая часть потенциальных мигрантов обдумывает различные вмешивающиеся обстоятельства, которые могут препятствовать переезду. Решаясь на переезд, люди взвешивают все обстоятельства: наличие жилья, работы, способной не только «прокормить», но и удовлетворить запросы, наличие перспектив создания семьи, взаимоотношения со старшим по-

колением по прежнему месту жительства и с поколением ровесников в новом городе и т.д. Зачастую многие молодые люди под влиянием все тех же обстоятельств возвращаются в родные города после неудачной попытки покорить мегаполисы. Данные вмешивающиеся обстоятельства могут стать причиной, по которой молодежь может закрепиться в своем родном городе.

Вмешивающиеся обстоятельства мы определяем как определенные действия государственных органов, направленные на улучшение жизни в малом городе (особенно для молодежи), то есть развитие инфраструктуры, поддержку учебных заведений, благоустройство, различные социальные программы для молодежи, а также взаимоотношения с поколением родителей по старому месту жительства.

В рамках постмодернистского дискурса, также относящегося и к гуманитаристской парадигме, серьезную роль играет концепция «симулякра». В современную социологию термин «симулякр» ввел Ж. Батай, сформулировал цельную концепцию симулякра Ж. Бодрийяр. Согласно И.В. Полозовой, симулякр – это «псевдовещь, замещающая реальность, образ отсутствующей действительности, правдоподобное подобие» [22, с. 860]. Исходя из представления Бодрийяра, СМИ формируют неудержимый поток информации, включая гигантское число симулякров, замещающих реальность, в которой мало смысла, а картинка важнее содержания [23]. Большую роль в симуляционном замещении реальности играют культурно-развлекательные центры, в частности, гипермаркеты и их аналоги. В них вещи теряют свое значение, вместо последних создаются симулякры, как модели социальных отношений в виде потока посетителей. Любой товар или художественное произведение лишь участвуют в индуцировании масс, то есть в создании человеческого потока, симулирующего массовую интеграцию, общность, солидарность и коллективную деятельность [24].

С точки зрения концепции симулякра, мы можем рассмотреть миграцию молодежи из малого города в смысле выявления соотношения реальных и симуляционных представлений о «лучшей жизни в мегаполисе». Симулякром является не только игнорирование простейших негативов мегаполиса (преступности, экологии, плотности-стесненности в проживании, пробки, а следовательно, недоступность в перемещении), но и невозможности в мегаполисе простого человеческого общения, индивидуализм, закрытость людей, отчуждение, отказ от коммуникаций.

Симулякрами мегаполиса, внедряемыми в сознание молодых людей, проживаемых в малом городе, является: а) затушевывание его негативных аспектов (высокого уровня преступности, деградации экологии, большой плотности населения и стесненности

в проживании, наличия «пробок», а следовательно, замедленности перемещений) [25]; б) суженная живая коммуникация; в) как ни странно, меньшая среда для этнического и конфессионального общения; г) идеализация видимых преимуществ мегаполиса.

Растущую роль в создании, развитии и трансляции симулякров мегаполиса играют такие каналы, как:

1) посты, фото, видео в интернетных сетях социально удачливых мигрантов (тогда как неуспешные мигранты редко распространяются о своей незадачливой судьбе);

2) СМИ, в которых в идеализированной форме транслируется позитивный и гляцевый имидж жизни в большом городе;

3) концентрация центров притяжения решений и сосредоточения финансовых ресурсов в мегаполисах, как правило, являющихся также культурно-образовательными [26], экономическими и политическими центрами, лишаящими власти малых городов как зависимости от собственного населения, так и денежных ресурсов, способных решить местные проблемы.

Таким образом, если реальные факторы молодежной миграции и ремиграции можно четко подразделить на притягивающие и отталкивающие, то воздействие одних и тех же симуляционных факторов представляет собой обоюдонаправленный процесс: сначала они действуют как симулякры, стимулирующие отъезд молодежи из малых городов, а затем, по мере их элиминации со стороны объективной реальности, с которой сталкиваются мигранты, эти же факторы начинают способствовать возвратному движению молодежи из мегаполисов. Несмотря на общую тенденцию к виртуализации жизни и легкую подверженность прежде всего молодых людей воздействию во многом придуманных образов «прекрасной жизни» в мегаполисе, любым симулякрам большого города свойственно разрушаться при тесном соприкосновении с ними переживших юношей и девушек, что позволяет считать их воздействие на миграцию амбивалентным, неустойчивым и временным.

Для анализа регулирования миграционных потоков применим также методiku «ментальных карт». Её суть выражается в том, что основой картосхем гипотетических миграционных процессов становятся не реальные, а психологически обусловленные расстояния между пунктами местожительства. На психологическую оценку такого расстояния влияет неполная информированность потенциальных мигрантов и их различные ценностные ориентации [6].

В целом непозитивистский (гуманитаристский) подход позволяет более дифференцированно рассмотреть мотивы отъезда молодых людей из малых городов, степень твердости их решений, т.е. выявить ряд существенных черт молодежной миграции.

Вместе с тем недооценка воздействия сложившихся и трансформируемых социальных структур на решение мигрантов затрудняет выявление факторов и движущих сил этого процесса, а значит, и перспектив его эволюции.

Приведенные подходы дают возможность более разнопланово и системно исследовать проблемы эмиграции, вынужденной миграции и прочих её видов. Выработывая методологическую позицию, которая позволит изучить характер миграции молодежи из малых городов в мегаполисы, воздействие на неё взаимоотношений со старшим поколением по прежнему месту жительства и с поколением ровесников в мегаполисе, полагаем, что социологическое поле исследований способно включать прежде всего следующие теории: концепцию вмещающих обстоятельств С. Стоффера, концепцию симулякров Ж. Бодрийяра, методику «ментальных карт».

Данные теории позволяют выявить специфику миграции молодежи из Лениногорска как типичного молодого малого моногорода РТ – в Казань как мегаполис. В сентябре-октябре 2017 г. с участием авторов был проведен *анкетный опрос* в городе Лениногорске в рамках исследовательского проекта «Динамика реальных и условных поколений в информационном, полиэтноконфессиональном обществе (на материале Республики Татарстан)». Из 1480 анкет, принятых к обработке, в выборку попали анкеты 133 респондентов из Лениногорска, среди них 48,1 % составили мужчины, 51,9 % – женщины, в том числе были опрошены лица татарской (50,8 %), русской (28,3 %) и других национальностей. Эти соотношения в целом коррелируются с половой и этнической структурами населения малого города.

На миграцию молодежи воздействуют разные внутренние (с позиции семьи) факторы. Среди лениногорских респондентов 27,1 % живут в семьях, где представлено лишь одно поколение. Очевидно, что такие семьи менее привязаны к «родному пепелищу» и более склонны к миграции. Подавляющее большинство (57,1 %) живет в двухпоколенных семьях. Таким образом, 84,2 % опрошенных проживает в нуклеарных семьях, где из-за занятости родителей с трудом транслируются по поколениям традиции, взгляды, любовь к родному очагу. Расширенные семьи (три-четыре поколения) характерны для 15,8 % респондентов. В данной категории семей тесные узы между пращурами и внуками привязывают молодое поколение к родному дому.

Данную идею подтверждают ответы на вопрос «Считаете ли Вы, что совместное проживание способствует более тесному взаимодействию представителей старшего поколения со своими детьми и внуками?». Чуть больше половины опрошенных (51,5 %) ответили на него утвердительно и лишь 48,5 % – отрицательно, подавляющее большинство последних из нуклеарных семей.

Раскрывают глубину, интенсивность и эмоциональный вектор межпоколенческих связей в семье ответы на вопрос «Как в Вашей семье складываются отношения между представителями разных поколений?». 31,1 % ответили, что у них очень теплые и дружеские отношения, потому что они живут вместе и у них достаточно времени для общения, 41,4 % – что у них присутствуют очень теплые и дружеские отношения, потому что, наоборот, в данное время они живут отдельно и не успевают надоесть друг другу, у 8,3 % очень сложные, конфликтные отношения из-за совместного проживания, а у 17,3 % – отношения можно назвать хорошими, но они живут отдельно и очень редко общаются, больше по телефону, Интернету. Если отношения в семье между разными поколениями теплые, дружеские, то каналы передачи традиций сохраняются и с годами способны стать все более разнообразными, что может стать фактором, удерживающим молодежь в малом городе. В целом мы видим значительное преобладание таких позитивных отношений, правда, не всегда интенсивных и регулярных.

Специфика малого города сказывается и на оценке вектора эволюции межпоколенческих конфликтов, которые могут стать причиной миграции молодежи. Так, на вопрос «Как Вы считаете, в современных семьях нарастает межпоколенческое непонимание?» подавляющее большинство (62,1 %) дало следующую оценку: «межпоколенческое непонимание существовало всегда, нынешнее время – не исключение». Еще 17,4 % позитивно оценили вектор межпоколенческого непонимания как снижающийся («представители старших поколений перестали постоянно учить и ругать молодежь, относятся к ней более доброжелательно, меньше стремятся доминировать в семейных отношениях»). Всего 9,1 % респондентов считают межпоколенческое непонимание нарастающим («и это очень сильно ощущается»). Тем самым для большинства опрошенных подобное непонимание не может стать основанием для миграции.

Среди субъективных факторов миграции решающую роль играет поселенческая идентичность. Этот феномен раскрывает ответ на вопрос «Что вы считаете своей Родиной?». Среди опрошенных лениногорцев 30,5 % в качестве таковой назвали город, в котором родились, и еще 9,2 % – город, где проживают в настоящее время. Именно эти две категории и являются стабилизирующей основой для Лениногорска; они, в подавляющем большинстве, никуда не собираются мигрировать из него. В то же время среди выбравших родиной Республику Татарстан (13,0 %) и Россию (35,9 %) гораздо больше склонных к отъезду с малой родины. Что касается считающих своей родиной СССР (6,1 %), то такие ответы свойственны в основном старшему поколению, ставшими совершеннолетними еще в советское вре-

мя. Большинство этих людей находится на пенсии или имеет стабильную работу и уже не собирается переезжать в суетный и дорогой мегаполис. Таким образом, социальные базы тех, кто имеет идейные предпосылки для миграции, и тех, кто твердо прикреплен к родному городу, примерно равны (48,9 % vs 45,8 %).

Названный субъективный фактор поселенческой идентификации сам имеет объективную предпосылку, каковой является поселение, в котором человек родился и формировался. Соответственно, для выяснения места, в котором прошло детство респондентов, был задан вопрос «Где Вы в основном жили до 16-летнего возраста?». Почти половина (44,2 %) опрошенных в качестве такового назвала «город с населением до 500 тыс. чел.» (то есть в основном Лениногорск). Поскольку Лениногорск до 1955 года был поселком городского типа, то большинство из 16,3 %, выбравших ответ «поселок городского типа», тоже родились в Лениногорске. Тем самым для абсолютного большинства респондентов (60,5 %) данный населенный пункт является малой родиной. Многие из проводивших детство в селе (16,3 %) или маленькой деревне (7,0 %) тоже в совершеннолетнем возрасте жили в Лениногорске. Тем самым опрос показывает, что 83,8 % всю сознательную жизнь прожили в Лениногорске, даже если они родились где-то рядом с ним. Эти люди более склонны к тому, чтобы остаться или вернуться в Лениногорск, чем 5,4 % респондентов, проводивших детство в «городе более 1 миллиона чел.» (в основном в Казани), и 10,9 % опрошенных, формировавшихся в «городе с населением 500 тыс. – 1 млн. чел.» (в РТ это сравнительно близлежащие Набережные Челны).

Об интенциях лениногорцев говорят ответы на прямой вопрос «Скажите, если бы у Вас была возможность выбора, где территориально Вы хотели бы жить?». Абсолютное большинство респондентов (56,6 %) хотят жить там, где живут сейчас; лишь 7,0 % – в Москве; 6,2 % – в Санкт-Петербурге; 17,1 % – «в другом городе (населенном пункте) России» (сюда относится и Казань). В другую страну мечтают переехать 13,2 % опрошенных. Эти данные свидетельствуют как о малой реальности надежд на переезд среди желающих мигрировать, так и о наличии стабильного ядра лениногорцев, преобладающего населения города, что дает надежду на сохранение и развитие Лениногорска.

Подводя итог, можно сказать, что использование апробированной методологии в лице дискурсов иностранных и отечественных социологов позволило выяснить как причины, так и перспективы миграции молодежи из малого города, а также слабо выраженную роль межпоколенческого конфликта в мотивации мигрантов и наличие стабилизирующих численность населения факторов, таких как сохра-

нение расширенной (многопоколенческой) семьи и сохранение стабильного ядра горожан, имеющего превалирование лениногорской идентичности.

Литература:

1. Todaro M. Internal migration in developing countries: a survey // Population and economic change in developing countries. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – P. 361-402.
2. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. – М.: АспектПресс, 1998. – 270 с.
3. Дюркгейм Э. Самоубийство. Соц. этюд. – СПб.: Союз, 1998. – 496 с.
4. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873 с.
5. Лимонов Л.Э. Региональная экономика и пространственное развитие. Т. 1. – М.: Изд-во Юрайт, 2015. – 460 с.
6. Арутюнян Ю.В. и др. Этносоциология. – М.: Аспект-Пресс, 1998. – 271 с.
7. Thomas W., Znaniecki F. The Polish peasant in Europe and America. – N.Y., Boston: RGBadger, 1958. – 1150 p.
8. Парк Р. Экология человека // Теория общества / Под ред. А.Ф. Филиппова. – М.: Канон-Пресс-Ц, Кучковополе, 1999. – С. 384-401.
9. Парк Р.Э. Разум бродяги: размышления о связи ментального с пространственным передвижением // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. – 1997. – № 4. – С. 158-162.
10. Lee E. A Theory of Migration // Demography. – 1966. – № 3. – P. 47-57.
11. Лифшиц М.Л. Миграционный прирост населения в России: факторы, перспективы, выводы для миграционной политики // Прикладная эконометрика. – 2010. – № 2 (18). – С. 32-52.
12. Денисенко М.Б., Ионцев В.А., Хорев Б.С. Миграциология. – М.: Изд-во МГУ. – 1989. – 414 с.
13. Сови А. Общая теория народонаселения. – М.: Прогресс, 1977. – 519 с.
14. Валентей Д.И., Кваша А.Я. Основы демографии. – М.: Мысль, 1989. – 286 с.
15. Беляев В.А. Гуманитаристская социология. Глава 6. // Социология. Общая теория / Под ред. Т.Г. Исламшиной и О.А. Максимовой. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2014. – 420 с.
16. Методология и методы изучения миграционных процессов / Под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. – М.: Центр миграционных исследований, 2007. – 370 с.

17. Gurak D., Caces F. Migration networks and the shaping of migration systems // International migration systems. / Eds. M. Kritz, L. Lim, H. Zlotnik. – Oxford: Clarendon, 1992. – P. 150-176.
18. Loury G. A dynamic theory of racial income differences // Women, minorities, and employment discrimination / Eds. P. Wallace, A. LaMond. – Lexington: Mass. – D.C.: Health & Company, 1977. – P. 153-186.
19. Handbook of theory and research for the sociology of education // The forms of capital / Eds. P. Bourdieu, J. Richardson. – N.Y.: Greenwood Press, 1986. – P. 241-258.
20. Palloni A., Massey D. et al. Social capital and international migration: a test using information on family networks // The American Journal of Sociology. – 2001. – № 106. – P. 1262-1298.
21. Stouffer S. Intervening Opportunities: A Theory Relating Mobility and Distance // American Sociological Review. – 1940. – № 5. – P. 845-867.
22. Полозова И. В. Симулякр // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. – 1248 с.
23. Baudrillard J. Simulacreset simulation. – P.: Éditions Galilée (French), 1981. – 236 p.
24. Социология / Под ред. Д.В. Иванова. – М: Проспект, 2017. – 320 с.
25. Беляев В.А. Социология города. Глава 14 // Социология. Общая теория / Под ред. Т.Г. Исламиной и О.А. Максимовой. 2-е изд. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2014. – С. 287-313.
26. Maximova O., Belyaev V., Laukart-Gorbacheva O. Transformation of The System of Bilingual Education in The Republic of Tatarstan: Crossover Ethnolinguistic Controversies // Journal of Social Studies Education Research. – 2017. – Vol. 8. – № 2. – P. 15-38.

Youth Migration as a Function of Inter-Generational Dynamics

V.A. Belyaev

Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev – KAI

E.R. Kalimullina

Leninogorsk branch of the Kazan national research technical university of A.N. Tupolev-KAI

The paper deals with two groups of approaches, neo-positivistic and humanitarian, which, together, allow to analyze youth migration as a function of intergenerational dynamics more comprehensively: if neo-positivists consider the migration of young people as a part of the process of institutionalization in the family and in the society and the transformation of individual decisions into model ones, humanitarians (especially postmodernists) reveal individual motives for the decision of young people to migrate, which is their response to the challenges of the older generation. The combination of both discourses in an integrated approach makes it possible to analyze the motivation, evolution and prospects of migration of young people from small towns to megacities as a consequence of the intergenerational conflict and as a result of the individual protest.

Key words: youth migration, older and younger generations, neo-positivist approach, humanitarian approach, simulacrum, mental maps.

